

адкладываецца, эта проста мякнець, эта такіа болькі» (Хотимский район Могилевской обл.). Подобные болезни кожи у чехов называются *koltún tokrý*, у поляков колтун может проявлять себя сыпью и фурункулами. Во всех случаях указывается на то, что такие раны долго не заживают и требуют прежде всего лечения заговорами.

Таким образом, стремление обозначить народно-медицинское диалектное распределение предполагает описание внутреннего членения пространственной структуры самой традиции магического врачевания на основании ряда карт. Безусловно, причиной некоторой условности конечных результатов становится отсутствие целенаправленных исследований тех или иных территорий, хотя тенденции и закономерности в любом случае очевидны.

НДП — Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 3 : Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / ред.-сост. Л. Виноградова, Е. Левкиевская. М., 2016.

Ю. Б. Воронцова*, А. А. Макарова**

*Уральский федеральный университет

**Уральский федеральный университет

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

Екатеринбург, Россия

*vorontsova_julia@rambler.ru

**toponimist@yandex.ru

Зооморфная модель в коллективных прозвищах Архангельской области*

В докладе на ономастическом материале говоров Архангельской области рассматриваются коллективные прозвища, образованные от названий животных, птиц, рыб, земноводных и насекомых.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01-351).

© Воронцова Ю. Б., Макарова А. А., 2019

В качестве источников материала используются, во-первых, богатейшие коллекции электронной базы данных Топонимической экспедиции УрФУ, включающие материалы полевых сборов 1960–2010-х гг., во-вторых, данные опубликованных словарей и монографий, в первую очередь «Словаря коллективных прозвищ» Ю. Б. Воронцовой [2011] и книги «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика» Н. В. Дранниковой [2004].

Задачи исследования — уточнение состава и географии лексем, используемых в рамках зооморфной модели при создании коллективных прозвищ, а также интерпретация закономерностей распределения прозвищ в рамках тематических групп и анализ ареальной дистрибуции (в первую очередь зон «повышенной плотности») коллективных прозвищ.

Общее количество коллективных прозвищ жителей Архангельской области, образованных в рамках зооморфной модели, составляет более 200 единиц. Среди них, с одной стороны, есть довольно широко распространенные номинации, образованные от общерусских лексем, — ср. *воро́ны* (15 «омонимичных» прозвищ в разных частях области), *зайцы* (11), *ериши* (10), *кулики* (7). С другой стороны, отмечаются более редкие именованья, образованные от диалектизмов: *косачи* ‘жители д. Макарьино’ (Он.) — ср. онеж. *косач* ‘тетерев’ [КСГРС]; *ревяки* ‘жители д. Солза’ (С.-Двин.) — ср. арх. *ревяк* ‘небольшая рыбка семейства бычков’ [Там же]; *сивкуны* ‘жители д. Нокола’ (Карг.) — ср. арх. *сивкун* ‘мелкая пресноводная рыба’ [Там же] и др.

В ходе исследования выявлено, что среди коллективных прозвищ рассматриваемого типа в Архангельской области преобладают именованья, мотивированные названиями птиц. Ареалы повышенной плотности таких коллективных прозвищ могут являться показателями субстратных зон. В частности, такие зоны могут быть выделены на севере Архангельской области (Леш., Мез., Он., Пин.), где ярко проявляется «птичья» модель — ср., например, коллективные прозвища *воро́ны*, *дрозды*, *зелезени*, *крохали*, *кукушки*, *петухи*, *совы*, *тетёры* (низовья р. Мезень); *вороны*, *галки*, *голубки*, *журавы*, *косачи*, *кулики* (низовья р. Онега). Кроме того, нередко прослеживается связь прозвищ данного типа с фамилиями местного населения — например, все жители д. Сырья (Он.), имеющие коллективное прозвище *воробыи*, носят фамилию *Воробьёвы*.

Другая большая группа коллективных прозвищ — наименования, образованные от названий рыб. Такие коллективные прозвища сконцентрированы, во-первых, в приморской зоне (Он., Мез., Прим.), а во-вторых, в бассейнах озер и крупных промысловых рек — Ваги, Мезени, Онеги, Пинеги. В их основу положены преимущественно наиболее распространенные на данных территориях виды рыб, ср. *ерши* (11 прозвищ), *ельцы* (четыре прозвища) и др. На наш взгляд, ядро «рыбной» модели формирует такая особенность территории, как наличие промыслового водоема — озера, реки, моря.

К периферии данной группы относятся прозвища, отражающие кулинарные предпочтения местного населения или его характерный рыбный промысел, ср.: *ершееды*, *трескоеды*; *наважьи головы* ‘жители побережья Белого моря’: «Наважьи головы рыбы много ловили» (Он.); *ревяки* ‘жители д. Солза’: «Они в море ревяков ловили» (С.-Двин.); и др.

Среди коллективных прозвищ, образованных от названий диких животных, шире всего представлены прозвища, мотивированные лексемой *заяц* (*зайцы*, *зайца*, *зайки*, *зайчата*, *заячана*, *заяушки*); остальные наименования животных реализованы единичными номинациями (*ёжики*, *волки*, *кроты*, *лоси*, *песцы*, *хорьки*).

Еще одной зооморфной сферой, отраженной в коллективных прозвищах Архангельской области, являются наименования насекомых. В большинстве случаев эти прозвища мотивированы тем, что в данной местности природные условия особенно благоприятны для тех или иных насекомых, ср.: *комары* ‘жители д. Пылема’: «Так называли из-за того, что в деревне Пылема много комаров, так как деревня окружена множеством покосов» (Леш.); *пепаки* (*попяки*) ‘жители д. Павловский Бор’: «Павлобора “пепаки”, у них до сих пор воды нет, озерко небольшое, в нем пепаки живут» (Он.), ср. онеж. *пепок* ‘водяной жук» [КСГРС].

Реже всего в коллективных прозвищах используются наименования земноводных, представленные всего двумя фиксациями: *змеи* ‘жители д. Летняя Золотица’ (Прим.) и *лягухи* ‘жители д. Сазониha’: «Болотные жители, одни лягухи, другие кулики» (Вил.).

Таким образом, в зооморфных коллективных прозвищах жителей Архангельской области наиболее широко представлены наименования птиц и рыб, что обусловлено ландшафтными и хозяйственными

особенностями региона, а также, возможно, влиянием субстратных языков.

Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М., 2011.

Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск, 2004.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ).

Влодзимеж Высочаньский

Вроцлавский университет

Вроцлав, Польша

wl.wysoczanski@gmail.com

Мотив игры в польских пословицах

Игра определяется как ‘действия, совершаемые для удовольствия, развлечения, уменьшения психического и физического напряжения; то, что радует, развлекает, доставляет удовольствие; веселье, баловство, развлечение’ [Dupał, 1996, 1302]. Языковой материал свидетельствует о том, что понятие игры многоаспектно, игра органически связана с забавой и развлечением [Wysochański, 2015, 39–56]. В докладе анализируются проявления мотива игры в польских пословицах. Обзор паремий показывает, что рассматриваемое поле игры включает несколько сфер.

Паремии отражают существование игр, сопряженных с определенными сельскохозяйственными работами. О том, кто не принимал участия в дожинках, говорится: *Jam się z nim nie wieńczył* (букв. «Я с ним не венчался»). Ярко изображены народные игры, входящие в годовой цикл. Упоминание дня св. Михаила (29.IX) отсылает к окончанию периода игр, веселья на пастбищах и лугах, ср. *Święty Michał uciechy pospychał* «Святой Михаил веселье унес». Пословица *Święty Andrzej grzechem, święta Katarzyna śmiechem* «Святой Андрей грехом, святая